

競

狂

人

ЛУ СИНЬ

ДНЕВНИК
СУМАСШЕДШЕГО

日記

狂

銀光香皂 銀光牙膏
請到世界上最出名的香皂店買一試一下吧！
大興工業公司

Лу Синь

«Дневник сумасшедшего» и другие рассказы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68719770
«Дневник сумасшедшего» и другие рассказы: Издательский Дом
"СОЮЗ"; М.; 2022
ISBN 978-5-6048353-6-4*

Аннотация

Лу Синь – величайший писатель Китая, именно с него началась современная китайская литература. Потрясающий рассказчик и мыслитель, в творчестве которого сливаются меланхолия и воинственность, ирония и печаль. Истории Лу Синя одновременно разоблачают устаревшие китайские традиции и отражают культурное богатство и индивидуальность Китая.

Содержание

Дневник сумасшедшего	4
1	6
2	7
3	9
4	12
5	14
6	16
7	17
8	19
9	21
10	22
11	26
12	27
13	28
Лекарство	29
I	29
II	33
III	36
IV	41
Отголосок бури	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лу Синь

«Дневник сумасшедшего» и другие рассказы

Дневник сумасшедшего

Братья Х, – сейчас я умышленно не называю их фамилии, – в прошлом, когда мы учились в средней школе, были моими хорошими друзьями. С тех пор прошло много лет, связь между нами мало-помалу прекратилась. Недавно я случайно узнал, что один из них тяжело заболел: когда я ездил на родину, то по пути завернул, чтобы посетить их и застал лишь одного из братьев, который и рассказал, что болен то был его младший брат.

«Вы напрасно делали такой длинный путь, только для того, чтобы навестить нас. Ведь он давно уже поправился и сейчас уехал в Н-ск ожидать получения казенной должности». Вслед затем, он громко рассмеялся и достав две тетради дневника сказал, что определенно следует познакомить старых друзей с его состоянием во время болезни. Захватив с собой дневник я вернулся домой и по просмотре записей пришел к заключению, что он страдал разновидностью нервной болезни, называемой манией преследования. Повество-

вание этого дневника было весьма путанное, отсутствовала последовательность в изложении, встречалось множество бессвязных слов; так-же не были проставлены ни месяцы, ни число и только по разнице в цвете туши, в форме почерка можно было вывести заключение, что дневник писался не один раз. Отобрав из дневника все, что было более или менее связное, я сейчас объединил это в одну книгу, чтобы представить для изучения врачам. Я не исправил ни одного слова в ошибочных выражениях дневника: мною лишь изменены все фамилии людей, ибо хотя они и являются деревенскими жителями, все же не следует предавать их широкой гласности, пусть даже и в общих чертах. Что-же касается до заглавия книги, то оно было дано самим автором-дневника после его выздоровления и больше не подвергалось исправлению.

1

Второй день четвертого месяца седьмого года. Сегодня вечером замечательно светит луна. Вот уже с лишним тридцать лет, как я не вижу ее и сегодня, когда я ее увидал, настроение необычайно поднялось. Только сейчас я понял, что предыдущие тридцать лет покрыты мраком. Однако надо быть исключительно осторожным. А не то, собака со двора Чжао... Почему она смотрит на меня обоими глазами? Мой страх не лишен оснований...

Сегодня совсем не было лунного света; я понял, что это не к добру. Утром осторожно вышел за ворота. Выражение глаз Чжао Гуй-вэнь было странным: не то он боялся меня, не то собирался причинить мне вред. Но в то же время все они боялись, как бы я не заметил этого. И все, кого только я встречал по дороге, все вели себя подобным образом. Один из них был особенно злым; он рассмеялся при виде меня, широко разевая рот. Меня всего, с головы до пят, вдруг бросило в холод и я понял, что их приготовления уже закончены. Однако я не испугался и по-прежнему продолжал свой путь. Ребятишки, шедшие толпой впереди меня тоже говорили между собой обо мне. Выражение их глаз было таким же как и у Чжао Гуй-вэня, лица их были пепельно серые. Я подумал: чем я обидел этих детей раз они тоже так себя ведут. Я не выдержал и крикнул им: «Скажите мне!», но они убежали.

Я думаю: чем обидел я людей, которых встретил по дороге; разве только что двадцать лет тому назад наступил на старую приходе-расходную книгу Гу Цзю. Господин Гу Цзю был этим весьма недоволен. Хотя Чжао Гуй-вэнь и не знаком с ним, но наверняка до него дошли слухи об этом и он стал на сторону Гу Цзю; он подговорил прохожих, чтобы они тоже враждебно относились ко мне. Но дети? В то время они

еще не родились на белый свет; почему же сегодня они тоже странно смотрели на меня, уставившись в упор: не то они боялись меня, не то собирались причинить мне вред. Все это меня страшит, удивляет, а вместе с тем и огорчает. Понимаю, наверное, этому научили их родители!

Ночью никак не мог уснуть. Любое дело можно понять только когда его всесторонне изучишь!

Они – люди, которых заковывал в шейные колодки уездный начальник, которых били по лицу помещики, у которых отнимали жен стражники из уездного управления, родители которых умирали от гнета ростовщиков; выражение их лиц даже тогда не было таким испуганным, таким свирепым; как виденное мною вчера. То, что показалось мне самым странным, было поведение женщины, которую я вчера встретил на улице; избивая своего сына, она кричала: «Я те дам! Не успокоюсь, пока всего тебя не искусаю!». Но глаза ее в то время в упор смотрели на меня. Я испугался, и не был в силах скрыть свой испуг. Толпа людей стоявших там с оскаленными клыками, громко расхохоталась. Чень Лао-у подбежал ко мне и насильно потащил меня домой.

Притащил меня домой... Домашние делают вид, что не знают меня; выражение их глаз такое же как и у тех, других... Вошел в кабинет, а тут защелкнули дверь, все равно как курицу закрыли в клетку. Это еще более заставляет меня раздумывать, в чем же тут дело? Несколько дней тому назад из деревни Няңцзыцунь пришел арендатор сообщить о неурожае и рассказал моему старшему брату, что жители этой деревни сообща убили одного злодея из своей же дерев-

ни; несколько человек вынули его сердце и печень, зажарили их на масле и съели, чтобы стать более храбрыми. Когда я попытался вставить несколько слов в их разговор, арендатор и брат несколько раз взглянули на меня. Только сегодня я понял, что их взгляды были такими же, как и у тех людей на улице.

При мысли об этом меня всего, с головы до пят, бросило в холод. Раз они могут есть людей, то почему они не смогут съесть меня.

Посмотрите! Слова той женщины, что кричала «искусаю тебя», хохот тех людей, что стояли с землянисто-серыми лицами и оскаленными клыками, разговор арендатора несколько дней тому назад – определенно тайный – все это намек. Я понял, что ее слова были ядом, их хохот – ножом, их зубы белые, острые, хищно ощерившиеся – что все это были орудия для пожирания людей. Что касается лично меня, то хотя я и не злодей, но после того, как я наступил на приходо-расходную книгу Гу Цзю, оказывается это трудно утверждать. Они как будто мыслят иначе; как именно – я не могу разгадать. Кроме того, стоит им только рассердиться на вас, как они назовут вас злодеем. Я еще помню, как брат когда то наставляя меня говорил: какой бы не был хороший человек, если будешь ему перечить, он обязательно будет возражать; но если ты умышленно пропустишь мимо ушей возражения плохого человека, он будет говорить о тебе; «какой искусный и знающий человек, не такой как остальные». Как могу

я разгадать их подлинные намерения тем более, когда речь идет о том, чтобы съесть человека? Любое дело можно понять только когда его всесторонне изучишь. В старину часто ели людей; это я еще помнил, только не ясно. Раскрыл книгу по истории, желая справиться, но в книге отсутствовали хронологические даты, а на каждой странице вдоль и поперек были написаны лишь слова «гуманизм» и «мораль». Так как я все равно не могу заснуть, то внимательно читал книгу глубоко за полночь и вдруг между строками рассмотрел иероглифы – вся книга была исписана двумя иероглифами – «Поедать людей». Это бесчисленное множество иероглифов книги, множество слов арендатора, хихикая в упор уставились на меня своими странными глазами. Я тоже человек; они хотят съесть меня!

Утром ненадолго присел, успокоившись. Чень Лао-у вошел, неся завтрак, состоявший из чашки с овощами и чашки с вареной рыбой; глаза этой рыбы белые и жесткие, ее разинутый рот совсем как у тех людей, думавших о людоедстве. Я съел несколько кусочков: скользкие, не разберешь, не то рыба, не то человек; тотчас же меня стошнило и я их выплюнул.

Я сказал: «Лао-у, передай брату, что мне скучно; я хочу пройтись по двору». Лао-у ничего не ответил и ушел; вскоре он вернулся и отпер дверь.

А я не сдвинулся с места, наблюдая, что же они сделают со мной; знаю, что они не желают освободить меня. Ну и конечно! Брат привел с собой какого то старика; выступают медленно... Глаза старика полны свирепости: он боится, что я это замечу, поэтому стоит опустив голову и из под очков тайком бросает на меня косые взгляды. Брат спросил: «Сегодня ты, кажется, совсем хорошо себя чувствуешь». Я ответил – «Да». Брат продолжал: «Сегодня я пригласил доктора Хэ осмотреть тебя». – Ладно! – ответил я, но на самом деле разве я не знал, что этот старик переодетый палач! Несомненно, под предлогом пощупать пульс, он определит, насколько я жирен, а за эту услугу ему тоже выделяют для еды ломтик мяса. А я не боюсь; хотя я и не ем людей, но все же я храбрее их. Я протянул ему обе руки и стал наблюдать, как

он приступит к делу. Старик сел, закрыл глаза, долго шупал пульс, долго размышлял, а затем открыв свои дьявольские глаза сказал: «Нечего тут думать, подержите его в полном покое несколько дней, тогда все будет хорошо».

«Нечего думать, подержите в полном покое»! Выдержать пока не нагуляется жир; понятно, тогда они смогут больше съесть: но что же во мне есть такого, что все «будет хорошо»? Этот народ и человека хочет съесть и, в то же время, дьявольски хитрый, – выдумывает, как бы это сделать скрытно, боится прямо приступить к делу, хочет заставить меня умереть от смеха. Я не мог сдержаться и расхохотался: я очень доволен. Я знаю, что в этом моем смехе – смелость и прямота. Старик и брат изменились в лице, подавленные такой смелостью и прямоотой. Но чем смелее я становился, тем более росло и их стремление меня сожрать, пользуясь моей прямоотой. Старик вышел из комнаты и отойдя недалеко от дверей сказал моему брату: «давайте скорее сожрем». Брат утвердительно кивнул головой. Так и ты тоже! Это открытие, хотя как будто бы и неожиданно, но вполне логично. Человек входящий в эту шайку чтобы съесть меня оказывается мой брат!

Людоед – это мой брат!

Я – брат людоеда!

Ведь меня съедят и все же я останусь братом людоеда.

За последние несколько дней я несколько отступаю от своих первоначальных предположений: я допускаю, что тот старик не переодетый палач, а настоящий врач, и все таки он людоед. Основатель их науки Ли Ши-чжень¹ своей книге, называющейся что то в роде «Наши травы»... ясно говорит, что человеческое мясо можно есть жареным; разве после этого старик посмеет утверждать, что не занимается людоедством?

– Что касается брата, то и здесь я ни капли не взвожу на него напраслину. Когда он растолковывал мне смысл текстов, он своими собственными устами говорил, что «можно менять своих детей и пожирать их». Еще помню один случай: как то мы разговаривали об одном дурном человеке и тогда она сказал, что не только следовало бы его убить, но и «пожрать его мясо и лечь спать на его коже». Я тогда был еще маленький и от страха сердце у меня долго не могло успокоиться. Брат нисколько не был удивлен рассказом арендатора из деревни Няньцзыцунь, который приходил к нам несколько дней тому назад и говорил, что «съели сердце и печень убитого» – во время всего рассказа, брат утвердительно кивал головой. Очевидно, что сейчас его взгляды такие же жестокие как и прежде. Раз он допускает, что можно менять де-

¹ Ли Ши-чжен – уроженец Цичжоу, жил при династии Мин. Автор «Указателя местных трав» и др.

тей и пожирать их, то можно менять все что угодно, можно есть кого угодно. Прежде я слышал только его рассуждения о принципах справедливости и по своей простоте брал их на веру; теперь же я знаю, что когда он говорит о принципах справедливости, у него не только губы вымазаны человеческим салом, но и сердце наполнено мыслями о людоедстве.

6

Глубокая тьма, не знаю: день или ночь. Собака со двора Чжао снова залаяла. Жестокость льва, трусость зайца, коварство лисицы...

Я понимаю их приемы, убить прямо они не желают да я не смеют, опасаясь несчастья. Поэтому они между собой договорились расставить свои сети и побудить меня к самоубийству. Взгляните на тех мужчин и женщин, которые стояли на улице несколько дней тому назад, на поведение брата в течение этих дней и этого будет вполне достаточно чтобы на восемь-девять десятых удостовериться в этом. Самое лучшее снять пояс, перекинуть его через балку, и затянувши потуже – удавиться; а они, не имея за собой никакой вины и в тоже время добившись заветного желания будут от радости хохотать на всю улицу тонкими голосами. Или скажем, умер от страха или от тоски; хотя в таком случае я и оказался бы до некоторой степени менее жирным, они все же и тут будут иметь основание к тому, чтобы одобрительно кивнуть головой несколько раз.

Они только и знают, что есть мертвечину! Помню, в книгах говорится, что существует такая тварь, называемая гиеной. Вид ее и внешность отвратительны. Она всегда питается мертвечиной: даже самые крупные кости мелко разгрызает и проглатывает. Подумаешь только о ней и то становится страшно. Гиена принадлежит к роду волков, а волк это семейство собак. Третьего дня собака со двора Чжао взглянула несколько раз на меня: ясно, что она тоже за одно с ни-

ми состоит в заговоре против меня, и что она уже давно обо всем сговорила с ними. Старик, который смотрел на пол, тебе не удастся обмануть меня! Больше всего мне жаль моего брата. Он тоже человек, почему же он ничуть не боится; более того, он входит в эту шайку чтобы съесть меня. Что же это: стародавняя привычка, по которой не считают это за грех, или же полная утрата совести, при полном сознании того, что это является преднамеренным преступлением? Я проклиная людоедов, и, прежде всего, начиная с него; я хочу переубедить этих людей, и тоже, прежде всего, намерен начать с него.

Собственно говоря, эти доводы к настоящему времени, должны быть и для них совершенно понятны...

Вдруг, пришел человек: ему на вид было не более двадцати лет, я не мог отчетливо рассмотреть его облик. С расплывшимся в улыбке лицом он кивнул мне головой: улыбка его не была похожа на настоящую. Я спросил его: «Людоедство, правильное ли это дело?» Он по-прежнему улыбаясь ответил: «Это не голодный год, зачем есть людей». Я тотчас же понял, что он тоже принадлежит к этой шайке, любит есть людей. После этого храбрость моя увеличилась во сто крат и я настойчиво стал допытываться: – «Правильно ли»?

– Зачем спрашивать об этих делах?

– Ты действительно умеешь... шутить... сегодня очень хорошая погода.

– Погода то хорошая, свет луны тоже очень яркий. Но ведь я тебя спрашиваю, правильно ли?

Он мямля. Запинаясь ответил: «Не...»

– Неправильно? Почему тогда они все же едят?

– Этого не может быть...

– Не может быть? В открытую едят в деревне Няңзыцунь; вдобавок еще в книгах об этом везде, написано, все это совсем свежо!

Он изменился в лице и сделался совсем серым. В упор

установившись на меня, он сказал – «Может быть оно так и есть, ведь так было раньше».

– Так было раньше, значит правильное дело?

– Я не буду с тобой спорить об этом: одним словом, тебе не нужно так говорить: ты напрасно об этом говоришь!

Я вскочил, широко раскрыв глаза, а человека того и след простыл. Все тело сплошь покрылось потом. Он на много моложе брата, но вопреки ожиданию, тоже входит в их шайку. Конечно этому его научили его родители. Боюсь, что он в свою очередь научил этому своего сына; поэтому то даже маленькие ребяташки со злобой смотрят на меня.

Хотят пожирать людей, а сами в то же время боятся, как бы их самих не сожрали и глядят подозрительными взглядами друг на друга... Как было бы покойно, если бы они отказались от этих мыслей, спокойно занимались бы своим делом, гуляли, кушали, спали. А для этого нужно всего лишь перешагнуть через небольшое препятствие. Однако, они: отцы, дети, братья, супруги, друзья, учителя, ученики, враги и совсем незнакомые люди – вся эта шайка взаимно воодушевляет друг друга, взаимно втягивает друг друга и смертельно не хочет перешагнуть через это препятствие.

Рано утром пошел искать брата: он стоял во дворе и любовался природой; я подошел и стал позади него около двери и с исключительным спокойствием и чрезвычайно вежливо обратился к нему:

– Брат, я должен тебе что-то сказать.

– Говори, пожалуйста, – ответил он, быстро обернувшись и кивнул головой.

– Я должен сказать всего несколько слов, но не могу их произнести. Брат, наверное, вначале, среди варваров было частично распространено людоедство. Впоследствии, ввиду различия в убеждениях, некоторые отказались от людоедства, все их мысли были устремлены на самоусовершенствование и они превратились в людей: другие, однако, по-прежнему занимались людоедством. Все равно, как черви: часть из них эволюционировала в рыб, птиц, обезьян, вплоть до человека, а другая часть не стремилась к самоусовершенствованию и вплоть до сегодняшнего дня осталась в образе червей. Как низки людоеды по сравнению с не людоедами; пожалуй, даже черви по сравнению с обезьянами не столь низки, как они.

– И Я² сварил своего сына и отдал на пожирание Цзе

² И Я – исторический персонаж, жил в эпоху «Чунь Цю» (Весны и Осени).

Чжоу³. Это случай, имеющий свою непрерывную традицию. Кто знает, сколько было съедено людей с того момента, как Пань Гу⁴ отделил небо от земли вплоть до времен сына И Я; а от случая с сыном И Я до периода жизни Сюй Си-линь⁵ а от Сюй Си-линя вплоть до того, как в деревне Няньцзыцунь поймали человека. В прошлом году, когда в городе казнили преступника, так один больной чахоткой макал хлеб в кровь убитого и облизывал его.

– Они хотят меня съесть, но ты бессилен что либо предпринять, ведь ты один. Но почему же ты вошел в их шайку? Людоеды никакого порядочного дела провести не могут: они смогут съесть меня, так же смогут съесть и тебя, в этой шайке смогут пожрать друг друга. Но ведь достаточно сделать всего лишь один шаг, достаточно лишь сразу исправиться, как среди людей воцарится спокойствие. Хотя недавно и было именно так, разве мы сегодня не можем всеми силами стремиться к самоусовершенствованию, скажи, неужели же это невозможно? Брат, я верю, что ты можешь сказать это; когда несколько дней тому назад приходил арендатор просить снижения арендной платы, ты ведь отказал ему.

Сначала он только холодно улыбался, но по мере того, как

³ Цзе и Чжоу – имена последних царей-тиранов древних династий Ся и Инь (второе тысячелетие до нашей эры). Стали синонимом жестокости.

⁴ Пань Гу – по китайской мифологии-создатель вселенной.

⁵ Сюй Сы-линь – исторический персонаж. Тайный убийца губернатора пр. Аньхуэй в конце династии Цин. (Автор дневника по болезни путает все даты и исторические события.)

я говорил, взгляд его становился все более и более свирепым, а когда я стал разоблачать их тайные замыслы, его лицо стало пепельно-серым. За воротами стояла толпа людей: среди них был и Чжао Гуй-вэнь со своей собакой. Они выходили один за другим и с любопытством вытягивали шеи. У одних нельзя было совсем различить черт лица, словно они были закрыты покрывалами; у других, как и тогда были землисто-серые лица и оскаленные клыки. Они смеялись не разжимая губ. Я знал, что все они из одной шайки, все они людоеды. Однако, я тоже понял что их мысли не были одинаковыми; одни думали, что нужно пожирать людей, так как это было заведено издавна; другие, хотя и понимали, что нельзя есть людей, все же имели желание это делать. Вместе с тем они боятся, как бы другие их не разоблачили, поэтому едва только они слышали мои слова, как очень рассердились, но все же продолжали смеяться, зажмурив глаза.

В это время брат вдруг со злостью громко закричал:

– «Пошли вон! Чего хорошего нашли смотреть на сумасшедшего!».

Тогда я распознал еще одну их уловку. Они не только не желали исправиться, но давно уже все подготовили; заранее смастерив вывеску «сумасшедший» – спрятали меня за ней. В будущем, когда они меня сожрут, не только все будет шито-крыто, но боюсь, что наоборот, они встретят сочувствие со стороны некоторых людей. Рассказ арендатора о том, что съели злодея как раз и свидетельствует, что они прибегли

именно к этому способу. Это их старый прием!

Чень Лао-у, тоже очень сердитый, подбежал ко мне. Как бы они не пытались заткнуть мне рот, я все-таки хочу сказать этим людям: — «Вы можете исправиться и начинайте это делать от всего чистого сердца Вы должны знать, что в будущем на земном шаре не будет места людоедам. Если же вы не исправитесь, вы сами будете съедены до последнего. Сколько бы вас не народилось, все, вы будете уничтожены настоящими людьми, точно также как охотниками уничтожаются волки. Как уничтожают червей»!

Чень Лао-у выгнал эту шайку. Брат тоже ушел неизвестно куда. Чень Лао-у уговорил меня вернуться в комнату. В комнате — непроглядная тьма. Балки и стропила закачались над моей головой; покачались немного и начали расти в размерах... Навалились на меня... Невыносимая тяжесть, невозможно шевельнуться: они хотят, чтобы я умер. Я понял, что эта тяжесть не настоящая и выкарабкался, обливаясь потом. Однако, я, во что бы то ни стало, хочу им сказать: — «Немедленно исправьтесь, начинайте исправляться от всего чистого сердца! Вы должны знать, что в будущем не будет места людоедам...»

И солнце не всходит, и двери не отворяются: каждый день кормят два раза. Я беру палочки для еды⁶ и приходит на ум брат; я знаю, что причиной смерти маленькой сестры целиком является он. До сих пор у меня перед глазами стоит образ сестры, которой было тогда пять лет – такой милый и печальный образ. Мать непрестанно рыдала, но он уговаривал ее не плакать; наверное потому, что он сам сожрал сестру, а плач безусловно вызывал в нем угрызения совести. Но если он еще может чувствовать угрызения совести...

Сестру съел брат: я не знаю, известно ли об этом матери? Думаю, что мать это знала, но когда она плакала, то не говорила особо об этом, так как, видимо, тоже считала, что так и следует. Припоминаю, что, когда мне было четыре-пять лет, я как-то сидел перед домом и наслаждался прохладой; брат тогда сказал, что, если кто-либо из родителей заболел, сын должен вырезать у самого себя кусок мяса, сварить его и предложить съесть; только тогда он имеет право считаться хорошим человеком. Мать же тогда не говорила, что это недопустимо. Раз можно скушать кусок, то естественно можно съесть и целого. Однако, когда я вспоминаю сейчас, как она тогда плакала – при виде этого разрывалось сердце – право, это все необычайно странно.

⁶ Палочки для еды заменяют у китайцев вилки.

Больше не в силах думать. Только сегодня я понял, что я уже много лет живу там, где на протяжении четырех тысяч лет все время едят людей; старший брат ведет хозяйство, умерла моя маленькая сестра и где гарантия того, что он не смешал ее мясо с пищей и тайком не кормил нас этим! Не исключено, что я невольно съел несколько кусочков мяса моей сестры, а теперь очередь дошла до меня самого... Я, у которого за спиной четыре тысячи лет людоедства, раньше не знал, а сейчас понял, что вряд ли я сам – настоящий человек.

13

Возможно ли, что еще есть дети, не пожиравшие людей?
Спасите, спасите детей...

Лекарство

I

Поздней осенней ночью, когда луна уже зашла, а солнце еще не всходило, небо было черно-синим и все, кроме ночных птиц, спало, Хуа Лао-цюань вдруг встал, чиркнул спичкой и зажег масляную плошку. По обеим комнатам чайной распространился бледный свет.

– Ты сейчас пойдешь, отец Маленького Цюаня? – послышался голос старой женщины. И из внутренней комнатки доносился кашель.

– Г-м, – ответил Старый Цюань, застегивая платье. Протянув руку, Он сказал: – Дай сюда! Хуа Да-ма долго искала под подушкой, вытащила связку денег и передала ее Старому Цюаню. Старый Цюань ощупал деньги, дрожащими руками положил их в карман и снова дважды ощупал снаружи. Затем зажег фонарь, задул лампу и прошел во внутреннюю комнату. Оттуда послышался шёпот, а затем снова кашель. Когда кашель умолк, Старый Цюань сказал негромко:

– Маленький Цюань, ты не вставай... Что, чайная? Твоя мама сама управится.

Так как сын ничего больше не сказал, Старый Цюань решил, что он успокоился. Он вышел на улицу. Было темно и

пусто. Ясно была видна только серая дорога. Фонарь освещал попеременно то одну его ногу, то другую. Навстречу попадались собаки, но ни одна не залаяла. Было значительно холоднее, чем в комнате. И все же Старый Цюань чувствовал себя бодро, как будто он вдруг помолодел и даже приобрел волшебную силу дарить жизнь другим. Он шел очень крупными шагами. И чем дальше, тем дорога становилась яснее, и небо все светлело. Старый Цюань, весь поглощенный мыслями о своем путешествии, вдруг испугался. Вдалеке перед ним та улица, по которой он шел, упиралась в ясно видимую поперечную улицу. Он, отступил на несколько шагов и, разыскав запертую дверь какой-то лавки, забился под выступ крыши и прислонился к двери. Скоро он почувствовал, что тело его холодеет.

– Ага, старик!

– Да еще и веселый...

Старый Цюань опять испугался. Вглядевшись, он увидел, что мимо идет несколько человек. Один даже оглянулся и посмотрел на него. Облик его было трудно различить, но, казалось, что это был изголодавшийся человек, который увидел что-то съедобное. В глазах у него сверкал разбойный огонек. Старый Цюань увидел, что фонарь уже погас. Он ошупал карман и ощутил твердость денег, которые по-прежнему были на своем месте. Подняв голову, он посмотрел в обе стороны, но увидел только, что какие то странные люди, похожие на привидения, группами по три и по два человека

ходили взад и вперед. Он присмотрелся, но не увидел больше ничего странного.

Через некоторое время прошло еще несколько солдат. На их одежде было по два больших белых круга спереди и сзади, и эти круги были хорошо видны издали. У тех, которые проходили мимо, можно было рассмотреть даже номера и на одежде знаки в виде темно-красных иероглифов. Чуть только отзвучали шаги, как во мгновение ока мимо прокатилась большая толпа. Ходившие тройками и парами люди тоже вдруг собрались вместе и как поток, устремились вперед, как раз к скрещению с поперечной улицей. Там они внезапно остановились, образовав полукруг. Старый Цюань тоже смотрел в ту сторону, но видел только спины множества людей. Все они вытягивали шеи, как утки остановленные и поднятые невидимой рукой. После короткой паузы послышались какие-то звуки. Затем произошло общее движение, что-то прогрохотало, и все посыпались назад – прямо к тому месту, где стоял Старый Цюань, так что его почти задевали.

– Ну! Давай деньги, бери товар! – Перед Старым Цюанем стоял человек весь в черном и пронизывал его глазами острыми, как два ножа. Сердце Старого Цюаня сжалось в комок. Одну громадную руку человек этот протягивал ему, а в другой держал ярко-красный хлебец, с которого капало что-то красное. Старый Цюань торопливо вытащил деньги, собираясь передать их дрожащими от волнения руками. Но взять принесенную вещь он не решался. Тогда тот человек крик-

нул возбужденным голосом:

– Чего боишься? Почему не берешь?

Старый Цюань все еще колебался. Тогда черный человек вырвал у него фонарь, оторвал бумажную крышку и завернув в нее хлебец, сунул его Старому Цюаню. Другой рукой он сгреб деньги и взвесил их на руке, а затем повернулся и пошел, пробурчав:

– Уж этот мне старикашка...

– Кому это лекарство? – померещился Старому Цюаню чей-то вопрос, но он не ответил. Вся его душа была в этом свертке, как если бы это был единственный наследник десяти поколений, и ни до чего другого ему не было никакого дела. Сейчас в этом свертке он принесет новую жизнь прямо к себе домой и получит огромное счастье. Солнце уже взошло. Перед Старым Цюанем лежала широкая дорога, ведущая прямо к его дому. А за ним солнце осветило также четыре темных, мутно-золотых иероглифа на воротах на поперечной улице: «Вход к Павильону Древнего...»

II

Когда Старый Цюань пришел домой, чайная давно уже была чисто убрана. Гладкие до блеска чайные столы стояли рядами. Но посетителей еще не было. Только во внутреннем ряду сидел Маленький Цюань и кушал. Со лба у него крупными каплями стекал пот, и даже двойной халат прилип к спине. Плечевые кости высоко выдавались, как вырезанная рельефом китайская цифра «8». Увидев это, Старый Цюань невольно нахмурил брови у переносья. Его жена торопливо вышла из кухни и уставилась на него. Губы у нее дрожали.

– Достал?

– Достал.

Оба они пошли в кухню и стали совещаться. Затем Хуа Да-ма вышла и вскоре вернулась со старым лотосовым листом, который положила на стол. А Старый Цюань развернул крышку от фонаря и снова завернул красный хлеб в лотосовый лист. Маленький Цюань уже кончил кушать, но его мать сказала торопливо:

– Маленький Цюань, ты посиди там. Не ходи сюда.

Поправив огонь, Старый Цюань сунул в печь позеленевший сверток и белый в красных пятнах порванный фонарь. Как только вспыхнуло красно-черное пламя, по комнате распространился странный запах.

– Славно пахнет! Какое это печенье вы кушаете? – Это

пришел Пятый Молодой Господин по прозвищу «Верблюжья Спина». Ежедневно он проводил в чайной целый день – приходил раньше всех и позже всех уходил. Как-раз в эту минуту он уселся за угловой стол у уличной стены. Уселся и спросил, но никто ему не ответил. – Вы варите рисовую кашу? И опять никто не ответил. Потом поспешно вышел Старый Цюань и налил ему чаю.

– Войди, Маленький Цюань! – позвала Хуа Да-ма, и мальчик пошел во внутреннюю комнату. Посредине была поставлена скамья, на которую сел Маленький Цюань. Поставив перед ним тарелку с черным круглым предметом, его мать тихо сказала: Скушай это, и болезнь пройдет. Маленький Цюань взял черный предмет и посмотрел на него, как будто держал в руках свою собственную жизнь. Он был несказанно удивлен. С величайшей осторожностью он разломил хлебец и из-под корочки вырвалась струйка белого пара. Пар рассеялся, и перед мальчиком оказались только две половинки хлебца из белой муки. Вскоре они были в его желудке, и он даже забыл их вкус. Осталась только пустая тарелка. Около мальчика стояли с одной стороны отец, с другой мать. У обоих в глазах было такое выражение, как будто они хотели что-то в него вложить и что-то из него вынуть. Сердца у обоих неудержимо бились. А мальчик снова раскашлялся, держась за грудь.

– Ты бы поспал, будет лучше.

И Маленький Цюань, кашляя, уснул, как сказала мать. Когда его хрип затих, Хуа Да-ма тихонько накрыла мальчика

заплатанным двойным одеяльцем, развернув его во всю длину.

III

В чайной сидело много народу, и Старый Цюань был очень занят. Он носил большой медный чайник и разливал чай посетителям. Под глазами у него были черные круги.

– Старый Цюань, тебе нездоровится? Ты болен? – спросил человек с седой бородой.

– Нет.

– Нет? Я думаю, кто улыбается – не похож на больного, – сказала седая борода, уничтожая этим свои же собственные слова.

– Старый Цюань просто очень занят. Если его сын.... Не успел Пятый Молодой Господин по прозвищу «Верблюжья Спина» договорить, как в чайную ввалился человек с мясистой и свирепой физиономией. На нем была рубашка черного цвета с расстёгнутыми пуговицами, небрежно перехваченная очень широким черным поясом. Войдя в дверь, он тотчас же закричал Старому Цюаню:

– Съел? Поправился? Ну, Старый Цюань, повезло тебе! А все моя смекалка...

В одной руке Старый Цюань держал чайник, другую почтительно опустил и слушал, улыбаясь. И все сидевшие в чайной посетители тоже слушали почтительно. Хуа Да-ма с черными кругами под глазами, улыбаясь, поднесла новому гостю чашку с чайным листом, да еще прибавила оливку, а

Старый Цюань налил воды.

– Это верное средство, не то, что все остальные. Ты только подумай: она взята горячей и горячей съедена; – кричал человек с мясистой физиономией.

– Правда, если бы не милость Дядюшки Кана, что бы с нами было? – с большим чувством благодарила Хуа Да-ма.

– Это верное средство. Я ручаюсь! Особенно если съесть ее такой горячей. Такой хлебец с человеческой кровью – верное средство от чахотки!

При слове «чахотка» лицо у Хуа Да-ма потемнело: ей это было тяжело. Но она тотчас же снова заулыбалась и отошла, поддакивая. Кан Да-шу ничего не заметил и продолжал кричать во все горло, причем кричал так, что к его крику присоединился кашель спавшего во внутренней комнате Маленького Цюаня.

– Ну, здорово повезло твоему маленькому Цюаню. Болельщик теперь как рукой снимет. Не удивлюсь, если Старый Цюань будет теперь целый день улыбаться, – сказала белая борода и, подойдя к Кан Да-шу, тихо спросил:

– Дядюшка Кан... Говорят, что сегодня покончили с одним преступником из семьи Ся. Чей это бы сын? И что же, в конце концов, произошло?

– Чей же, как не сын Четвертой Тетки Ся? Уж этот парень! Видя, что все наострили уши и слушают его, Кан Да-шу пришел в восторг, и его мясистая и свирепая физиономия расплзлась от удовольствия. Поэтому он заговорил еще

громче. – Не хотел жить этот парень, вот и все. Но мне то от этого не вышло никакого барыша. Даже снятую одежду и ту забрал тюремщик Красноглазый А-и. Самое первое – надо считать, что повезло нашему Старому Цюаню. А второе – что Третий Господин Ся заплатил тюремщику 25 лян серебра чистоганом. Ему одному и достался весь кошель, и мне он ни копейки ни заплатил. Медленно, обеими руками держась за грудь и непрерывно кашляя, Маленький Цюань вышел из внутренней комнаты и пошел в кухню. Он наполнил чашку холодным рисом, налил горячей воды и уселся кушать. Хуа Да-ма пошла за ним и тихо спросила:

– Маленький Цюань, тебе лучше? Или ты все так же голоден?..

– Верное средство, я ручаюсь! – Кан Да-шу взглянул на него и снова повернулся лицом ко всем собравшимся. – Третий Господин Ся – настоящий умница. Если бы он не сделал донос раньше, вся его семья была бы истреблена. А теперь что-только деньги! А этот парень был никуда не годен. В тюрьме, он и то подстрекал тюремщика бунтовать.

– Ай-ай, на что это похоже! – и сидевший в заднем ряду молодой человек 20-ти с лишним лет изобразил на лице негодование.

– Я скажу вам, что когда Красноглазый А-и стал расспрашивать его о подробностях, он завел с ним разговоры. Он говорил, что великая Маньчжурская империя принадлежит нам всем! Подумайте только: какая ерунда! Красноглазый

знал и раньше, что у парня нет никого, кроме старухи-матери, но кто мог подумать, что он так беден, так что из него ничего не выжмешь? Вот А-и и рассердился так, что у него печень чуть не лопнула. А тот еще собирался заговаривать ему зубы. Ну, и получил пару оплеух! Братец А-и хорошо дерется. Этих двух оплеух, конечно, было довольно, – вдруг развеселился в углу Верблюжья Спина. – Но этот несчастный и побоев не испугался, да еще приговаривал: «Какая жалость, какая жалость!»

Человек с седой бородой сказал:

– Что побили этого хулигана, какая же тут жалость?

Кан Да-шу посмотрел на него с явным презрением и сказал с холодной улыбкой:

– Ты меня не понял. Из его слов выходило, что это он жалел А-и!

В глазах у слушателей выразилось крайнее изумление, и разговоры смолкли. Маленький Цюань уже покушал и весь обливался потом, так что над головой у него даже показался пар.

– Он жалел А-и – да он сошел с ума! – сказала седая борода с таким видом, будто ей все стало понятно.

– Он сошел с ума! – с таким же выражением полного понимания сказал молодой человек 20-ти с лишним лет.

Все сидевшие в чайной оживились. Начались разговоры и смех. Среди общего оживления, Маленький Цюань разразился отчаянным кашлем. Кан Да-шу вышел вперед и, хлоп-

нув его по плечу, сказал:

– Верное средство, я ручаюсь! Маленький Цюань, перестань так кашлять!

– Он сошел с ума, – говорил, кивая головой, «Верблюжья Спина».

IV

Земля у угла городской стены за западной заставой была казенная. По ней извивалась узкая дорога: люди, хотевшие сократить путь, протоптали ее своими башмаками и она стала естественной границей. Слева от дороги хоронили казненных и умерших от заразных болезней, справа шли ряды могил бедноты. С обеих сторон лежали целые ярусы мертвых, в роде, как кладутся хлебцы у богатых в дни рождения.

Праздник поминовения умерших в тот год выпал особо холодный. На ивах только что показались почки величиной с половину рисового зерна. Едва рассвело, как Хуа Да-ма была уже у новой могилы с правой стороны: расставила четыре тарелочки с овощами и чашку риса, поплакала, пожгла бумажные деньги и от нечего делать села на землю, как будто бы ждала чего-то, сама не зная чего. Поднявшийся ветерок раздувал ее короткие волосы, сильно поседевшие с прошлого года. На дорожке появилась еще одна женщина, тоже полуседая, в рваной одежде. Она несла круглую корзину красного лака, ломанную и старую. Снаружи висела связка бумажных роз каждые несколько шагов она останавливалась. Вдруг, увидев, что на земле сидит Хуа Да-ма и смотрит на нее, она заколебалась. На бледном страдальческом лице появилось выражение смущения. Но, в конце концов, она пересилила себя, подошла к могиле с левой стороны и поста-

вила корзину.

Та могила была в одном ряду с могилой Маленького Цюаня: только дорожка проходила между ними. Хуа Да-ма смотрела, как та женщина расставила четыре тарелочки с овощами и чашку риса, как она стоя поплакала и пожгла бумажные деньги. Ей пришла в голову смутная мысль: «В этой могиле тоже лежит сын». А та женщина поглядела по сторонам, и вдруг и руки и ноги у нее задрожали, и она попятилась на несколько шагов. В широко раскрытых глазах застыло безграничное изумление.

Видя это, Хуа Да-ма испугалась, что от горя та женщина вот-вот сойдет с ума. Поэтому она не смогла удержаться – встала и, перешагнув через дорожку, тихо сказала ей:

– Не горюй так, почтенная женщина, пойдем, пожалуй, обратно.

Женщина кивнула головой, но глаза ее все так же были устремлены вперед. Так же тихо и заикаясь она сказала:

– Посмотри посмотри, что это такое?

Хуа Да-ма посмотрела, куда она указывала пальцем, и ее взгляд упал на могилу впереди. Эта могила еще не совсем заросла травой; проступали комья желтой земли, и это было очень безобразно. Но, продолжая всматриваться, она вдруг испугалась: она ясно увидела кольцо розовых цветов, окружавшее заостренную верхушку круглой могилы. Глаза у обеих женщин давно уже были подслеповатые, но розовые цветы они еще могли рассмотреть. Цветов было не очень мно-

го; они образовали сплошное кольцо, которое выглядело не очень изящно, но опрятно. Хуа Да-ма пристально разглядывала могилы своего сына и других людей, но везде было только понемногу, не боявшихся холода, бледных цветов, которые были разбросаны скупно. И в сердце она вдруг почувствовала какое-то недовольство и досаду, и ей не захотелось очень вдумываться в это. Но другая женщина приблизилась на несколько шагов, посмотрела очень пристально и заговорила сама с собой:

– У них нет корней, они не могли сами вырасти. А сюда кто же придет? Дети играть не придут, а наша родня здесь не бывает. Что же это такое? – Она думала еще и еще, а затем у нее из глаз вдруг потекли слезы, и она заговорила громким голосом:

– Сын мой Юй, они тебя не поняли, и ты не можешь забыть, слишком больно ранено твое сердце. Вот ты теперь нарочно и показал себя в этих цветах, чтобы я узнала? – Она осмотрелась кругом, но увидела только ворону, сидевшую на дереве, лишенном листвы, и снова сказала: – Я знаю. Сын мою Юй, их надо пожалеть, что они сгубили тебя. В будущем всем им настанет расплата, небо все знает. А ты только закрыл глаза, вот и все... Если ты и вправду здесь, то заставь эту ворону прилететь на твою могилу, чтобы, я увидела.

Ветерок давно стих, но в тонкой сухой траве, стоявшей очень прямо, слышался как будто звук дрожащей медной проволоки. В воздухе он становился все тоньше и сходил на

нет, и все вокруг было мертвенно тихо. Женщины стояли в зарослях сухой травы и, вскинув головы смотрели на ворону, но ворона сидела, втянув шею, на совершенно прямой ветке дерева, неподвижная, как изваяние. Прошло много времени. На могилах постепенно собралось много народу. И старые, и малые то появлялись, то исчезали среди могил. Сама не зная почему, Хуа Да-ма чувствовала себя так, как будто с нее спало тяжелое бремя. Она уже собралась уходить и снова подсказала той женщине:

– Пожалуй, пойдем обратно.

Старая женщина вздохнула, с безучастным видом собрала кушанья, постояла еще в раздумье и, наконец, медленно пошла. И все говорима сама с собой:

– Что же это такое?...

Не прошли они 20–30 шагов, как вдруг за спиной у них раздалось громкое «кар-р». Обе они с испугом оглянулись. Но увидели только, как ворона, развернув два крыла, рванулась с места и быстро, как стрела, улетела высоко в небо.

Отголосок бури

Солнце медленно собирало свои ярко-жёлтые лучи с полей, раскинувшихся у реки. Листья деревьев уцзю⁷ начинали дышать сухо в порывисто; под ними, жужжа, танцевали в воздухе пестроногие москиты. Над трубами крестьянских домов, выходящих к реке, дым от стряпни понемногу стал исчезать. Женщины и дети брызгали водой около своих дверей, расставляя маленькие столы и низкие скамейки. Каждый знал, что наступило время ужина. Старики, сидя на скамейках, обмахивались веерами, сделанными из листьев банановых пальм, разговаривали на досуге. Дети резвились или, сидя на корточках под деревьями уцзю, играли в камушки. Дым разъедал глаза женщин, они выносили из дверей черную, пареную капусту и желтоватый рис. По реке плыла лодка развлекающихся поэтов. Один из них, охваченный поэтическим вдохновением, воскликнул:

– О, свободная от мыслей и забот радость деревенской жизни!

Однако, его восклицание не совсем отвечало действительности, так как он не слышал того, что говорила в это время старуха Цзю Цзин. Как раз в этот момент старуха Цзю Цзин, стуча в порыве гнева веером по ножке скамейки, говорила:

⁷ Уцзю – название дерева, растущего в Азии. Из его плодов добываются растительные жиры.

– Я дожила до семидесяти девяти лет... Пожила достаточно... Глаза бы мои не смотрели на такое разорение!.. Хоть бы мне умереть! Сейчас подадут на стол, а они тут едят жареные бобы, – проедают семью и дом!

Ее праправнучка Лю Цзин, зажав в кулаке пригоршню бобов, бежала к ней, но, почуяв неладное, стремглав бросилась в сторону реки и спряталась за деревом, а потом, высушив свою маленькую головку с развилиной косичек, громко крикнула:

– У-у, старая карга!

Несмотря на свой почтенный возраст, Цзю Цзин не была глухой, но она не обратила внимания на внучкину реплику, продолжая бормотать про себя:

– С каждым поколением, все хуже и хуже...

В деревушке установился немного странный обычай. Когда рождался ребенок, мать взвешивала его и по количеству цзинов⁸ ему давали прозвище. Старуха Цзю Цзин с пятидесяти лет стала очень ворчливой; она часто говорила, что в дни ее молодости погода не была такой жаркой, как теперь и даже бобы не были такими твердыми. Вообще, все в мире шло неправильными путями. Например, праправнучка Лю Цзин была уже легче прапрабабушки на три цзина и легче своего отца на один цзин. Все это ей казалось доказательством непреложного закона об ухудшении рода, что и застав-

⁸ Цзин – китайский фунт. Цзю-цзин – девять фунтов. Лю-цзин – шесть фунтов. Ци-цзин – семь фунтов.

ляло ее повторять:

– С каждым поколением, все хуже и хуже!

Ее внучатная невестка, жена Ци Цзина, подошла к столу, держа в руках корзинку с вареным рисом, и швырнув ее на стол, запальчиво сказала:

– Ты, старая, опять взялась за прежнее. Разве Лю Цзин при рождении не весила шесть цзин и пять лян⁹. Как бы ни было, а у вас в семье, наверное, были свои восемнадцати-ляновые весы и они показывали вес больше¹⁰. На настоящих же шестнадцати-ляновых весах наша Лю Цзин весила бы больше семи цзин. А что касается прапрадеда и свекра, то я не думаю, чтобы они весили полных девять и восемь цзин, как ты говоришь, наверное тогда пользовались цзином в четырнадцать лян.

– С каждым поколением, все хуже и хуже! – твердила старуха.

Жена Ци Цзина не успела ответить, так как неожиданно увидела своего мужа, выходящего из переуллка. На него она и перенесла свою атаку, закричав:

– Эй ты, мертвяк! Только возвращаешься? Где ты пропадал? Тебе не важно, что люди ждут тебя ужинать!

Хотя Ци Цзин и жил в деревне, но его мысли давно парили в высоте. Начиная с деда, вот уже три поколения, никто из них не брался за мотыгу. Поэтому, следуя их примеру, Ци

⁹ Лян равен примерно одной унции.

¹⁰ В разных провинциях число лян в фунте неодинаково.

Цзин толкал шестом почтовую баржу. Утром из Лучжэня в город, а к вечеру назад в Лучжэнь. Поэтому он кое-что знал: где, например, бог грома уничтожил духа стоногого дракона... где девушка родила чудовище... Он определенно имел некоторый вес в глазах деревенских жителей. По деревенскому обычаю, ужинали не зажигая огня, и Ци Цзин признавал, что своим поздним возвращением он вполне заслужил брань.

Ци Цзин держал в руках длинную – больше шести чи¹¹ трубку из пятнистого бамбука, с мундштуком из слоновой кости и чубуком из белой меди. С опущенной головой он медленно подошел и присел на скамейку. Воспользовавшись случаем, откуда то вышмыгнула Лю Цзин и, усевшись около него, позвала:

– Па-па!

Ци Цзин не ответил.

– С каждым поколением, все хуже и хуже! – сказала старуха Цзю Цзин.

Ци Цзин поднял голову и, вздохнув, сказал:

– Император вступил на трон дракона.

Жена Ци Цзина застыла от изумления, а потом воскликнула:

– Ну, вот и хорошо; теперь, значит, будут императорские милости!

Ци Цзин снова вздохнул и сказал:

¹¹ Чи – китайский фут.

– А у меня нет косы...

– Разве император требует, чтобы была коса¹².

– Да, будет требовать.

– Откуда ты знаешь? – забеспокоившись, быстро спросила она.

– В винной лавке «Сянь-хэн» все говорят.

Тут жена Ци Цзина почувствовала, что дело действительно оборачивается очень скверно: Винная лавка «Сянь-хэн» была верным источником всех новостей. Бросив взгляд на бритую голову Ци Цзина, она почувствовала, что ее охватывает возмущение и злость против мужа. Сдержавшись, она быстро наполнила чашку вареным рисом и сунув ее перед Ци Цзином, сказала:

– Ешь скорее свой рис. Слезами косу не вырастишь.

Солнце собрало свои последние лучи и над сумрачной водой появился прохладный ветерок. Над берегом слышался только стук чашек и палочек для еды. На спинах людей стали появляться капельки пота. Когда жена Ци Цзина закончила третью чашку риса, она подняла голову и увидела сквозь ветви деревьев коротенького и толстого Цзао Ци-е, переходившего через дощатый мостик. Он был одет в длинный, голубой халат. Цзао Ци-е был хозяином винной лавки «Мао-Юань» в соседней деревне, а также единственным на тридцать

¹² При Маньчжурской династии, мужское население, в знак покорности маньчжурам, должно было носить косы.

цать ли¹³ вокруг человеком, который соединял в себе способности и ученость, наложившие, однако, на него неприятный отпечаток. У него было больше десяти книг Цзин Шэнтана – критика на «Историю трех царств»¹⁴. Он постоянно сидел над иероглифами, изучая их один за одним. Он знал не только имена и фамилии пяти полководцев из «Истории трех царств», но также и их прозвища.

Например, Хуан Чжун к Ма Чао назывались еще Ханьшэн и Мын-ци; все это он знал твердо. После революции он закрутил свою косу на макушке головы, как это делают даосские монахи и, вздыхая, часто говорил, что если бы был жив Чжао Цзы-лун¹⁵, то в мире не было бы такого беспорядка, как теперь. Жена Ци Цзина сразу заметила, что сегодня – Цзао Ци-е уже не походил на даосского монаха. Передняя часть его головы была гладко выбрита, а на макушке торчал клочок черных волос. Она сразу поняла, что император вступил на трон дракона и что появилась большая опасность для Ци Цзина. Цзао Ци-е был одет в длинный, голубой халат, который он носил очень редко. За три последних года он одевал его только два раза. Раз когда заболел поссорившийся с ним корявый А Сы, и еще раз когда умер Лу Та-е, насканда-

¹³ Ли – Китайская верста.

¹⁴ Знаменитый роман «История трех царств» описывает борьбу между тремя образовавшимися на территории Китая в период 220–264 г.г. нашей эры удельными княжествами. Автор романа Ло Гуан-чжун жил в эпоху монгольской династии Юань.

¹⁵ Чжао Цзы-лун – один из героев «Трех царств».

ливший в его винной лавке. Сейчас это было в третий раз, что определенно означало ликование для него и беду для его врагов.

Жена Ци Цзина вспомнила, как два года тому назад Ци Цзин, пьяным, обругал его «подлым», и тотчас поняла, что Ци Цзин в опасности. Сердце ее забилося сильнее. Когда Цзао Ци-е проходил, все вставали и, указывая палочками на свои чашки, говорили: «Просим с нами ужинать». Цзао Ци-е, улыбаясь, кивал головой и отвечая «цин, цин»¹⁶, прямо прошел к столу, за которым сидела семья Ци Цзина. Все поднялись со своих мест, приветствуя его. «Цин, цин», – сказал он, приятно улыбаясь и пристально вглядываясь в блюда на столе.

– Какая прекрасная капуста!.. А новости слышали? – вдруг произнес он, стоя за спиной Ци Цзина и обращаясь к его жене.

– Император вступил на престол дракона, – ответил Ци Цзин.

Жена Ци Цзина с натянутой улыбкой заметила:

– Император вступил на престол, когда же будут императорские милости?

– Императорские милости, конечно, скоро будут, – тут тон его стал суровым, а как же у вас в семье-насчет косы Ци Цзина? Коса – это очень важно... Ты знаешь, во времена длинноволосых говорились: «кто бережет косу – теряет голову,

¹⁶ Пожалуйста, пожалуйста (не беспокойтесь).

кто бережет голову теряет косу¹⁷.

Ци Цзин и его жена никогда не читали книг и не понимали исторических тонкостей, но они знали, что если ученый Цзао Ци-е говорит так, то это несомненно имеет серьезное значение. Беда была неотвратимой и они чувствовали себя, как приговоренные к смерти. В головах у них поднялся такой шум, что они не могли вымолвить ни слова.

– С каждым поколением, все хуже и хуже! – старухе Цзю Цзин не терпелось поговорить с Цзао Ци-е. – Теперешние длинноволосые только режут людям косы, делая их похожими не то на даосских, не то на буддийских монахов. А разве раньше такими были длинноволосые? С целыми кусками красного сатина, обернутого вокруг головы, ниспадавшего вниз, вниз, до самых пят... Ах, нет, это был желтый сатин!.. Княжеский – желтый сатин. Красный сатин¹⁸ Желтый сатин... О! Я жила слишком долго – семьдесят девять лет..

Вскочив с места, жена Ци Цзин чуть слышно прошептала:
– А что же будет со стариками и детьми, для которых он опора?

Цзао Ци-е, покачивая головой, сказал:

– Ничего не поделаешь. Если нет косы, то...о наказании за это написано в книгах, очень ясно написано, статья за ста-

¹⁷ Во время восстания Тайпинов (1860 г.), отказавшимся брить косы, рубили головы.

¹⁸ Желтый цвет в старом Китае считался императорским цветом. Князя носили одежду красного цвета.

тьей: Никому нет дела до семьи виновного.

Когда жена Ци Цзина услышала, что так написано даже в книгах, то она потеряла всякую надежду. К ее беспокойству прибавилась злость на Ци Цзина и, тыча палочками около его носа, она стала кричать:

– Этакая падаль! Что заслужил, то и получай! Я тебе сразу сказала во время восстания – не ходи в город, не работай на лодке. Так нет, ты все таскался туда! Там тебе и косу отрезали! Какая коса то была черная, блестящая, как шелк! А сейчас ты на кого похож? Арестант! Что заслужил, то и получишь! Только нас то зачем втянул в это? Ходячий труп! Арестант! Когда крестьяне заметили приход Цзао Цие, они стали быстро заканчивать ужин и собираться вокруг стола Ци Цзина. Сам Ци Цзин чувствовал, что получается очень непристойно, что его, человека, известного в деревне, жена ругает открыто перед всеми. Он поднял голову и пробормотал:

– Это ты сейчас так говоришь, а раньше ты...

– Ах ты ходячий труп! Арестант!

Среди всех зевак, у вдовы Ба-И сердце было самым чувствительным. Она стояла как раз около жены Ци Цзина, держа на руках своего двухгодовалого ребенка. Она не могла оставаться безучастной и начала примирительным тоном:

– Ну, хватит. Люди ведь не боги. Кто же знал, что так случится? Да ты и сама тогда говорила, что без косы уж не так

и плохо. Кроме того, наш начальник из ямына¹⁹ еще ничего не объявил...

Не дослушав ее до конца, жена Ци Цзина с ушами, зардевшимися от гнева, обернулась к ней и, тыча палочками около ее носа, закричала:

– Ай-я! Что, ты меня за человека не считаешь?! Разве я могла сказать такие глупые слова?! Тогда я проплакала три дня, все это видели. Даже Лю Цзин, этот маленький чертенок, и та плакала... Лю Цзин как раз в это время опорожнила большую чашку риса и тянулась с пустой чашкой, прося прибавить еще. Жена Ци Цзина, совсем выведенная из терпения, быстро ткнула Ци Цзина, палочками в голову Лю Цзин, закричав на нее:

– Ты, еще куда лезешь! Потаскушка! Маленькая вдова!²⁰

Чашка выскользнула из рук Лю Цзин, упала на землю и, ударившись о камень раскололась. Ци Цзин вскочил, схватил разбитую чашку и, крикнув «стерва», дал затрещину Лю Цзин. Она упала и заплакала. Старуха Цзю Цзин, взяла ее за руку и, приговаривая «с каждым поколением, все хуже и хуже», увела прочь.

– Видишь, что делает с людьми твоя злоба, – обращаясь к жене Ци Цзина, гневно сказала вдова.

Цзао Ци-е, который с самого начала стоял в стороне, услы-

¹⁹ Ямынь – управление, резиденция государственного чиновника.

²⁰ Характерная особенность китайских женщин из простонародья – В начале ссоры, направлять брань в адрес третьего лица.

шав слова Ба-И о том, что ямынь еще не делал объявления о восшествии императора, закипел от злости. Теперь заговорил он: – Вот скоро придут императорские солдаты, и знайте, что на этот раз их ведет сам императорский телохранитель, генерал Чжан, он потомок Чжан Ай-дэ, из удела Янь²¹.

У него копье – как змея, длиной в один чжан и восемь чи²². Десять тысяч человек не могут сравниться с ним в храбрости. Что может противостоять ему?!

Его скрюченные руки во время этой речи то сжимали, то разжимали воздух, как будто он брался за невидимое копье, похожее на змею. Сделав несколько шагов по направлению к вдове Ба-И, он еще раз крикнул:

– Могла бы ты противостоять ему?!

Вдова была настолько рассержена, что ребенок дрожал в ее руках, но когда она увидела потное лицо Цзао Ци-е с блестящими глазами, устремленными прямо на нее, она сильно перепугалась и поспешила уйти. Цзао не пошел следом за ней. Из остальных собравшихся, некоторые стали осуждать вмешательство Ба-И, а другие стали расходиться. Несколько человек с обрезанными косами постарались затеряться в толпе, боясь, что их увидит Цзао Ци-е, но он не обратил на них внимания и только около деревьев уцзю повернулся и еще раз крикнул:

²¹ Чжан Ай-де – Имя героя из «Истории трех царств».

²² Чжан – китайская сажень.

– Можете ли противостоять ему?!

Он взошел на дощатый мостик и скрылся из виду. Крестьяне в раздумье покачивали головами и прикидывали, что действительно никто не сможет противостоять Чжан Ай-дэ, а также приходили к заключению, что жизнь Ци Цзина все равно потеряна. Теперь Ци Цзин – послушник императорского закона. Они злорадно вспоминали, как он с видом превосходства, посасывая свою длинную трубку, рассказывал им городские новости. Хотелось о чем то рассуждать, но получилось, что рассуждать то не о чем. Москиты, беспорядочно звеня, ударялись об их полуобнаженные тела, летя к деревьям уцзю, где они затевали веселые хороводы.

Все начали понемногу расходиться по домам и, закрыв двери, ложились спать. Жена Ци Цзина, продолжая ворчать, собрала посуду, стол и скамейки и тоже отправилась спать. Ци Цзин, держа в руках сломанную чашку, пошел к дому и сел на пороге покурить. Он был так подавлен всем происшедшим, что даже забыл затягиваться из своей длинной трубки из пятнистого бамбука, с мундштуком слоновой кости и чубуком из белой меди. Огонь в ней медленно угасал. Он сознавал всю опасность своего положения и старался придумать какой-нибудь план или выход, но мысли его путались: «Коса! А как быть с косой?.. Змея в восемь чжанов длиной... С каждым поколением, все хуже... Император вступил на престол дракона... Чашку надо склепать в городе... Кто устоит против него?.. В книгах все же точно написано...

Эх..!

На следующий день, рано утром. Ци Цзин, как обычно, толкал почтовую баржу из Лучжена в город. К вечеру он вернулся в деревушку со своей длинной трубкой и чашкой для риса. За столом, во время ужина, он вскользь заметил старухе Цзю Цзин:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.